

В ПЕНЗЕ ЕГО ЛЮБИЛИ

Анатолий Александрович Яхонтов — одна из ярких личностей среди наших земляков-музыкантов. Он родился в Пензе 10 июня 1891 года. Учился во 2-й мужской гимназии. На ученических вечерах с успехом декламировал стихи, участвовал в любительских «спектаклях». Ему прочили артистическую карьеру, но в старших классах, когда проявился его голос — красивый и выразительный бас, педагоги и гимназисты единодушно сошлись на том, что быть Анатолию певцом.

Сам же он выбрал юридическую карьеру, поступив в Казанский университет. Но призвание мощно заявляло о себе, и Анатолий начал брать уроки сольного пения у Л.Н. Трубникова, затем у М.Ю. Янишевской-Елецкой. Вернувшись в Пензу, по юридической специальности работал недолго. В 1919 году поступил в Пензенский театр оперы и балета под руководством Ф.П. Вазерского. Дебютировал в роли Светозара в опере Глинки «Руслан и Людмила». Так началась его певческая карьера. А продолжилась она в Москве: сначала в оперной студии К.С. Станиславского, а затем в Большом театре, солистом которого он оставался до конца своей жизни.

Предлагаем читателю нашей газеты фрагменты беседы с дочерью А. А. Яхонтова — Ниной Анатольевной.

О семье

В семье Яхонтовых было пятеро детей, все мальчики. Мой отец — самый младший. Мать семейства, Юлия Александровна, хорошо играла на рояле и привила любовь к музыке своим детям. Клавдий играл на виолончели, Александр получил образование в Московской филармонии по классу скрипки, Сергей пел и играл на гитаре, и в семье думали, что именно он станет музыкантом. Анато-

лий увлекался литературой и историей, точные науки не любил. Он обладал блестящей памятью, и гуманитарные предметы не представляли для него сложности. Быстро запоминал стихотворения и целые поэмы, декламировал их товарищам. Читал он своеобразно, захватываяюще. Как-то директор гимназии вызвал к себе ученика Яхонтова и долго корил его за неуспеваемость по математике. Затем, смягчившись, сказал: «Ну а теперь прочти что-нибудь». Учась в Казанском университете, отец играл в студенческом театре роль Чацкого и увлекся мелодекламацией. На студенческих вечеринках он стал пробовать петь, сопровождая себя на гитаре, старинные романсы, приобретая таким образом популярность «артиста».

Став профессиональным певцом, отец никогда не забывал о своем увлечении молодости. Помню, как он читал на новогоднем вечере в 1942 году. Тогда Большой театр был в эвакуации в Куйбышеве. Всех разместили в двух школах, превращенных в общежития. В нашей коммункалесе очень дружно жили человек 15-17 артистов и членов их семей. Товарищи попросили отца прочитать что-нибудь, и он выбрал «Воеводу» Некрасова. Когда закончил, из-за двери раздались аплодисменты. Оказалось, его голос привлек многочисленных слушателей, которые притаились за дверью. После первого номера они с шумом ввалились в комнату и просили отца читать еще. И он читал Алухтина, Балмонта, Блока, и все могли его слушать без конца.

Шефские концерты

Отец с большим вниманием относился к своей концертной деятельности. Будь это его творческий концерт или участие в большой программе, он всегда тщательно подбирал репертуар.

Он очень любил петь для земляков, и его любили в Пензе. В его репертуаре были русские песни и романсы, произведения советских и западных композиторов.

Анатолий Александрович был одним из самых активных и безотказных участников в большой шефской работе, которую вел Большой театр. На его счету сотни концертов! Он всегда учитывал особенности аудитории и в соответствии с этим подбирал репертуар. Может быть, поэтому контакт с публикой устанавливался с первых номеров. Обычно

А. Яхонтов (слева) с родителями и братьями

он заканчивал выступление шуточными и комическими песенками: «Песня пьяниц» («Много шума из ничего»), «Улица» и другими, проявляя в их исполнении актерский талант. Это вызывало оживление и хохот в зале, публика гудела и не отпускала певца. Товарищи-актеры, которым приходилось выступать вместе с отцом, часто говорили: «Пусти меня первым, а то после тебя и делать нечего».

Шефская работа продолжалась и в годы Великой Отечественной войны. Тогда отцу приходилось почти ежедневно выступать перед солдатами, отправляющимися на фронт, в

госпиталях, воинских частях. Он пел все, что просили бойцы; особенно любили они задумываемые русские песни и песни, созданные в годы войны: «Вечер на рейде», «В лесу прифронтовом», «Песня смелых», «Одинокая гармония».

Дважды отец выезжал с концертной бригадой на фронт. Выступали на наспах оборудованных сценах, в лесу на полянке, в какой-нибудь уцелевшей избушке. Один раз концерт проходил в школе рядом с линией фронта. Зал был переполнен бойцами, отдыхавшими в перерывах между боями. Только закончилось выступление, и все покинуло здание, как оно разлетелось в щепки от вражеской бомбы.

Интересен эпизод, о котором тогда писала газета «Moscow News». После одного из концертов на Калининском фронте для артистов был устроен ужин, во время которого им вручались памятные подарки. Всем, кроме отца. Представитель командования объявил, что подарок для него будет позже. Оказывается, бойцы выяснили, что здесь же, на Калининском фронте, воюет брат отца — полковник Александр Яхонтов. К концу ужина они и привезли его в качестве подарка. Для отца и его брата, которые давно не виделись, эта встреча действительно стала бесценным подарком.

Творческая лаборатория

В нотной библиотеке отца больше половины всех материалов — рукописные. Я помню, как настойчиво он разыскивал случайно услышанные романсы или русскую песню. Часами просиживал в нотном хранилище Библиотеки имени Ленина, переписывал от руки ноты нужных ему произведений, а придя домой, проигры-

вал на рояле и уже затем транспонировал для своего голоса. И лишь когда вещь была почти готова, обращался к концертмейстеру Д. Вейссу. Хорошая музыкальная подготовка, которой отец был обязан самому себе, позволяла ему всю черновую работу проводить самостоятельно. Из-за своей скромности он считал, что неудобно беспокоить аккомпаниатора без особой необходимости.

Приступая к разучиванию новой роли, Анатолий Александрович читал массу литературы. Его интересовало не только произведение, положенное в основу либретто, но и история его создания, эпоха, которую оно отражало, — все, вплоть до костюмов. Свою профессию он считал служением и всегда говорил, что артистом может быть лишь тот, кто бескорыстно любит искусство, а не себя в искусстве.

Каждый раз, выходя на сцену, очень волновался, даже играя роль, может быть, в сотый раз. Часто шутил, пытаясь таким образом скрыть волнение. Перед выходом на сцену в спектакле «Псковитянка», где он пел небольшую, но яркую партию боярина Шелого, возвратившегося после долгого отсутствия домой и увидевшего на руках жены грудного ребенка, говорил: «Пойду баб поугаю». И когда он кричал: «Чей щенок?!» — действительно, становилось жутко не только бабам на сцене, но и зрителям в зале.

Мрачный на вид, мой отец на самом деле был обаятельным человеком, по-детски непосредственным и с мягким юмором. Он любил людей, интересовался каждым и подмечал черты, которые могли долго оставаться не замеченными другими.

Записал Нора́йр Егоян
(Пенза)

Рос. муз. газета. — 2005. — № 7-8 (июль-авг.) — с. 7

Записал Нора́йр Егоян
(Пенза)

№ 7-8 (08.06)
(июль-авг.)